

В. В. ЕСЕРЕВ

ЛБ/63/13

~~40/83~~
~~1647~~

ВНУТРЕННЕЕ АРХИТЕКТУРНОЕ
УБРАНСТВО ЗДАНИЙ
Г. КАЗАНИ.

Получено 1927

Республиканская библиотека
Уст. АССР
имени В. И. ЛЕНИНА
КАЗАНЬ

1927

Напечатано под наблюдением П. М. Дульского
в Полиграфической школе. Клише изготовлены
Цинкографией Таттгиза

Внешний вид здания общедоступен, его все видят, оформление его становится предметом суждений, иногда весьма оживленных. Другое дело внутренняя архитектурная обработка помещений, которая скрыта от посторонних взоров и является достоянием немногих; о ней обычно умалчивается. Между тем работа зодчего по внутренней отделке дома, близко соприкасаясь с декоративным искусством, подчас бывает настолько сложна и трудна, что требует от архитектора большой вдумчивости и усиленного напряжения творческих сил. Соблюдая органическую связь с самим зданием, вместе с тем при внутреннем убранстве последнего необходимо отобразить не только назначение отдельных помещений, но и выразить наклонности, вкусы и потребности живущих в них, одним словом зодчий вторгается в интимную жизнь обитателей дома. С этой точки зрения внутренние убранства зданий являются живыми памятниками старого быта и кроме

художественного значения представляют значительный бытовой интерес.

Если внутренняя отделка зданий г. Казани скромна и не блещет богатством и большими художественными достоинствами, то все же она показательна, вскрывая картины старой провинциальной жизни, и ценна в том отношении, что позволит заглянуть вглубь прежнего хозяйства и выявить характерные черты ушедшего быта.

Многочисленные казанские пожары, особенно большие пожары 1774 и 1815 г.г., не оставили для нас архитектурных приемов обработки помещений общественных и жилых зданий до XIX века¹, исключение составляет только так называемый Дрябловский дом на Гостиннодворской улице, по внутренности которого можно составить общее, и то далеко неполное, представление об архитектурных формах конца XVII века. Дом был построен для известного казанского суконного фабриканта Михляева—энергичного хозяина, суконная фабрика которого успешно конкурировала с местной казенной, и в конце-концов Петром I последняя была

¹ Рассмотрение отделки зданий культа не входит в задачи настоящего очерка.

передана ему же². Тяжелые, массивные формы сеней дома и мрачные своды нижнего этажа свидетельствуют о крепком хозяйстве и тяжеловесном укладе жизни в купеческом жилье того времени.

Прежде чем перейти к дальнейшему описанию интересных для нас в художественном или в бытовом отношении зданий, не лишним будет указать, что по времени постройки и по внутренней обработке здания относятся к одному периоду — первой половине XIX века. Такое объединение в одной эпохе разнородных построек, от учебных и общественных учреждений до жилых домов всех городских сословий, даст возможность составить цельную картину общей жизни города в одно определенное время. В таком направлении, начиная с знаменательного события в казанской жизни — открытия Университета, и делаем наш обзор.

Казанский Университет открылся в самом начале прошлого столетия. Трудно было молодому Университету в первые годы своего существования преодолеть равнодушие и безучастие местного общества, а порой

---

² Рыбушкин, Краткая история г. Казани, 1848 г., стр. 111.

приходилось даже вести борьбу с недоброжелательством и со стороны администрации. „Перед нами прежде всего полное равнодушие казанского общества и передового сословия его, дворянства, к зарождающемуся Университету“, писал в свое время проф. Н. Н. Булич. Одно оружие было в руках профессуры—это пропаганда задач Университета путем устройства в университетских стенах торжественных заседаний и актов с популярными речами на темы „о пользе наук, вообще, и в особенности о пользе Казанского Университета“ (речь профессора В. М. Перевощикова) или „о выгодах, которые доставляет государству упражнение в науках“ (речь проф. Ф. Х. Эрдмана)³. Понятно, что актов зал Университета—место первых научно-общественных выступлений в Казанском крае—приобретает особый интерес.

Построенный в 1825 году архитектором Пятницким, зал производит полное разочарование. Единственным украшением его является строгий, классический с модульонами карниз. Недурный сам по себе, но

³ Загоскин, Н. П. История Казанского Университета.

тяжелый при пустых стенах, карниз дает давящее, приземливающее впечатление. Удивляться не приходится, если вспомним, что постройка зала производилась в суровое время попечительства Магницкого, чудовищное предложение которого о „публичном разрушении“ Университета едва не получило осуществления. Насаждались лицемерие и ханжество, все сводилось к религиозному мистицизму, поэтому и главное внимание было обращено на отделку не зала, а университетской церкви, которая действительно получила архитектурно-художественное убранство.

Мрачная эпоха Магницкого миновала, для Университета наступила лучшая пора, что отразилось и на внутренней отделке зданий. Так, при постройке в 1836 году анатомического театра, университетским архитектором Коринфским была спроектирована эффектная, круглая двухсветная аудитория. Но зодчий, памятуя назначение здания, не увлекся возможностью богатого украшения помещения, он ограничился постановкой на хорах простых, но приятных по виду колонн, поддерживающих купол над аудиторией. Несмотря на простоту отделки, все же аудитория дает прекрасный пример архитектурной обработки помещения.

„Передовое сословие“ — дворянство — было равнодушно к нуждам Университета, но другое мы видим в отношении своего клуба — дворянского собрания, заботы об устройстве которого вызывали среди дворянства живейшую заинтересованность.

Проект здания дворянского собрания (в настоящее время межсоюзный клуб) был составлен архитектором департамента проектов и смет И. Ефимовым в 1844 году⁴. Центральное положение в здании занимают главный зал и ведущая к нему лестница. На их убранстве и была сосредоточена работа зодчего. Все было рассчитано на внешний лоск, пышность и величественную торжественность, и надо отдать справедливость архитектору: поставленная ему задача при тех строительных средствах, которые имелись в его распоряжении, была им разрешена блестяще.

Светлая лестничная клетка имеет строгий, но приятный карниз, стены заполнены филеями и расчленены пилястрами с ионическими капителями. Зал, отделанный в классических формах, производит сильное впечатление.

---

⁴ Копии проекта в плановом архиве Строительного Управления Инженера ТССР.

Ряд цвета слоновой кости коринфских колонн хорошей пропорции, с прекрасно выполненным антаблементом, окружая весь зал, поддерживает хоры. Гладь стен опоясывает лепной фриз и перебивается, соответственно колоннам, пилястрами. Свободный от украшений потолок только оттеняет богатую архитектуру зала. Все уместно и ничего лишнего.

Парадные приемы, торжественные собрания и блеск дворянских балов наполняли зал. Картину веселящегося губернского барства и изобразил местный художник Тюфяев. Так проходила показная сторона „высшего“ казанского сословия, а жуткую изнанку этого—именно казанского—дворянства показал Л. Н. Толстой в своем рассказе „После бала“.

Еще один зал заслуживает внимания—зал заседаний бывш. Городской Управы (д. № 1 по улице Чернышевского), памятный казанцам по революции 1905 года, когда здание Управы было местом революционных событий и когда с трибуны этого зала раздавались пламенные призывы революционеров^б.

^б См. Аросев. Казанские очерки о революции 1905 г. Казань, 1925 г.

Дата постройки здания неизвестна, но в 1846 году, во время капитального переустройства его, архитектору Х. Крампу было поручено привести в должный вид управский зал заседаний⁶. Задание дано было не из легких. Небольшой двухсветный зал имеет в плане почти квадрат, что при чрезмерной высоте представляет трудности для композиции архитектурного убранства, а к этому еще следует добавить и очень незначительные ассигнования на производство работ. В поисках архитектурных мотивов взоры зодчего устремились на приемы убранства половины XVIII века. Крамп покрыл стены и потолок легкой лепкой в духе елизаветинского барокко. В одной из стен сделана большая ниша для помещения царского портрета, центральность которого подчеркнута с боков пилястрами. Дабы придать залу официальный характер, Крамп над нишей для портрета лепит государственный герб, а в углах плафона размещает герб г. Казани; кроме того, в особых клеймах он дает символические изображения судоходства, земледелия, торговли и промышленности. Архитектор достиг своей цели: скромными

⁶ Архив Каз. Город. Думы. Дело № 1587, 1844—46 г.г.

приемами придана нарядность и замаскированы дурные пропорции помещения.

Время романтических настроений сороковых годов нашло отражение и в убранстве казанских зданий. Элементы „готического“ стиля мы видим в лепке главных комнат казанского дворца (ныне в нем помещается ТЦИК и Совнарком), выстроенного в 1847 г. по проекту К. Тона⁷. Обработка дворцовых комнат вызывает досадливое чувство, когда видишь несовместимое сочетание двух путей упадка классической архитектуры: с одной стороны робкое убранство в ложно-готическом духе, а с другой — формы здания в пресловутом „византийско-русском“ николаевском стиле.

Насколько неудачно применение элементов „средневекового“ стиля во дворце, настолько смело и своеобразно в 1837 году арх. Коринфский применил их в библиотечном зале Университета. В виду исключительной любви к книжным университетским богатствам и забот о них ректора Университета, знаменитого математика Н. И. Лобачевского, его стараниями построено здание

⁷ Н. П. Собко. Словарь русских художников. Том. III, стр. 176.

библиотеки с одним из лучших в городе залом⁸.

Зал, оригинальный в конструктивном отношении, не менее оригинален и по архитектурной обработке. Сводчатые перекрытия двухсветного просторного зала с помощью стрельчатых арок поддерживаются колоннадой коринфского ордера. Сочетание, странное по разнородности стилей, но оправданное конструктивно, создает любопытный архитектурный ансамбль.

До сих пор приводились образцы внутренней архитектуры зданий общественного назначения, теперь перейдем к рассмотрению убранства жилых домов.

Из старейших по времени отстройки среди других жилых казанских домов для нас любопытны парадные покои игуменьи Казанского монастыря, выстроенные для игуменьи Назареты в двадцатых годах прошлого столетия. Обычно распространено обывательское мнение, что игуменьи в своей монастырской жизни довольствовались малым и были чужды большим жизненным запросам;

---

⁸ В. В. Егоров. Н. И. Лобачевский как строитель. „Изв. Об-ва Арх., Истор. и Этнограф.“ Том XXXII, вып. 2—3.

такое представление, конечно, будет далеко от истины. Надо помнить, что в начале XIX века в Казанском монастыре место игуменьи замещалось великосветскими дамами, такова была и игуменья „кавалерственная дама“ Назарета. Своим далеко не монашеским житьем и похождениями весьма скандального свойства Назарета в свое время стяжала себе громкую известность. С одной стороны осыпаемая царскими милостями, а с другой возбуждая возмущение и презрение казанцев, Назарета, разумеется, мало считалась с последним обстоятельством и жила на широкую барскую ногу, выше всего ставя свое классовое превосходство и всеми мерами вводя сословное подразделение во вверенном ей монастыре, не исключая даже богослужебных мест, где, например, по ее распоряжению молящимся были отведены определенные места, соответственно классовой принадлежности⁹.

Отсюда станет понятным, что возведенные игуменьей для себя покои должны приближаться к ее врожденным потребностям

⁹ Д. А. Корсаков. Из жизни русского дворянства прошлого времени. „Исторический Вестник“. Том СХХV.

и быть мало похожими на „скромное“ монастырское жилище. В самом деле, при осмотре покоев мы видим целую анфиладу обширных комнат с массой воздуха и света. Покои, представляя огромный бытовой интерес, в особенности со всей обстановкой, которая сохранилась в них, в художественном отношении имеют мало ценности. Заслуживает внимания один лишь вестибюль.

Для поддержания лестничной площадки автор здания (Баженов Д.?) удачно поставил две изящных колонны, которые, закрывая междумаршевый промежуток, дают уют и парадный вид самой — в сущности невзрачной — лестнице. На этом примере воочию убеждаешься в том, как одна находчивая архитектурная деталь, в виде мастерски поставленной пары колонн, может видоизменить помещение.

К числу интереснейших памятников зодчества города бесспорно следует причислить типичный барский особняк, находящийся в усадьбе № 61 по Галактионовской улице. Дом, построенный в начале XIX века для графини Апраксиной, имеет все характерные черты дворянских построек первой половины прошлого века. Здесь находим необходимые принадлежности дома: боковые флигеля,

неизбежные пристройки к основному массиву дома, балкон на улицу, обширный двор с многочисленными службами и даже собственным колодцем, теперь засыпанным,—все это скорее составляет принадлежность помещьей усадьбы, а не городского особняка. Внутри дома расположены высокие парадные комнаты и более скромные жилые и низкие антресоли.

В 1836 году дом от прежней владелицы перешел к новым владельцам—Мамаевым. По желанию новых хозяев дом, по проекту архитектора Петонди, был капитально перестроен¹⁰.

Хотя в самое последнее время дом опять подвергался как внешней, так и внутренней переделке: изменен фасад, убран наружный балкон, в лепке зала появились гербы новых владельцев—Баратынских, но все же основные черты прежней обработки остались почти без изменения, и полностью сохранилась типичность убранства 40-х годов.

Главную архитектурную ценность в доме составляет зал или, вернее, зал-столовая, т. к. по обычаю того времени эти две комнаты

---

¹⁰ Архив Казанской Губ. Строительной Комиссии. Дело № 309, 1836 года.

соединялись в одной. Зал окнами направлен во двор, при чем окна размещены в характерном для начала XIX века полукруглом выступе, который, кроме увеличения световой площади, дает своеобразную прелесть в обработке комнаты. Ближе к торцевым стенам комнаты поставлены колонны, которые, подчеркивая парадность помещения, вместе с тем создают удобства в меблировке зала. Сверх карниза потолок заполнен поясом густой лепки, прерываемой над колоннами люкарнами, из которых одна открывает традиционные небольшие хоры, а в другой поставлена декоративная ваза. Несмотря на все незатейливое убранство, зал отделан с такою любовью и умением, что до сих пор чарует своим уютом и интимностью, как-выми насыщена каждая деталь помещения. Без мебели и обстановки комната воскрешает живое представление о быте 40-х годов; поэтому необходимо, чтобы такой редкий бытовой памятник безусловно был сохранен, а может быть и использован для создания бытового музея.

Другой пример более позднего строительства, строительства времени полного разложения и беспомощности архитектурного творчества, — особняк видного казанского

барина А. Г. Осокина (д. № 16 по ул. Комлева), выстроенный в 1849 году по проекту архитектора Безсонова¹¹. В верхнем этаже дома размещены парадные комнаты: здесь и зал с непременными хорами, и гостинная, разделенная традиционной аркой на две части¹², и другие такого же назначения помещения. Все они имеют архитектурное выполнение с претензией на богатство отделки и показной эффект, но во всем сквозит грубое непонимание красоты архитектурных форм, внутреннее убожество и безвкусице николаевской эпохи.

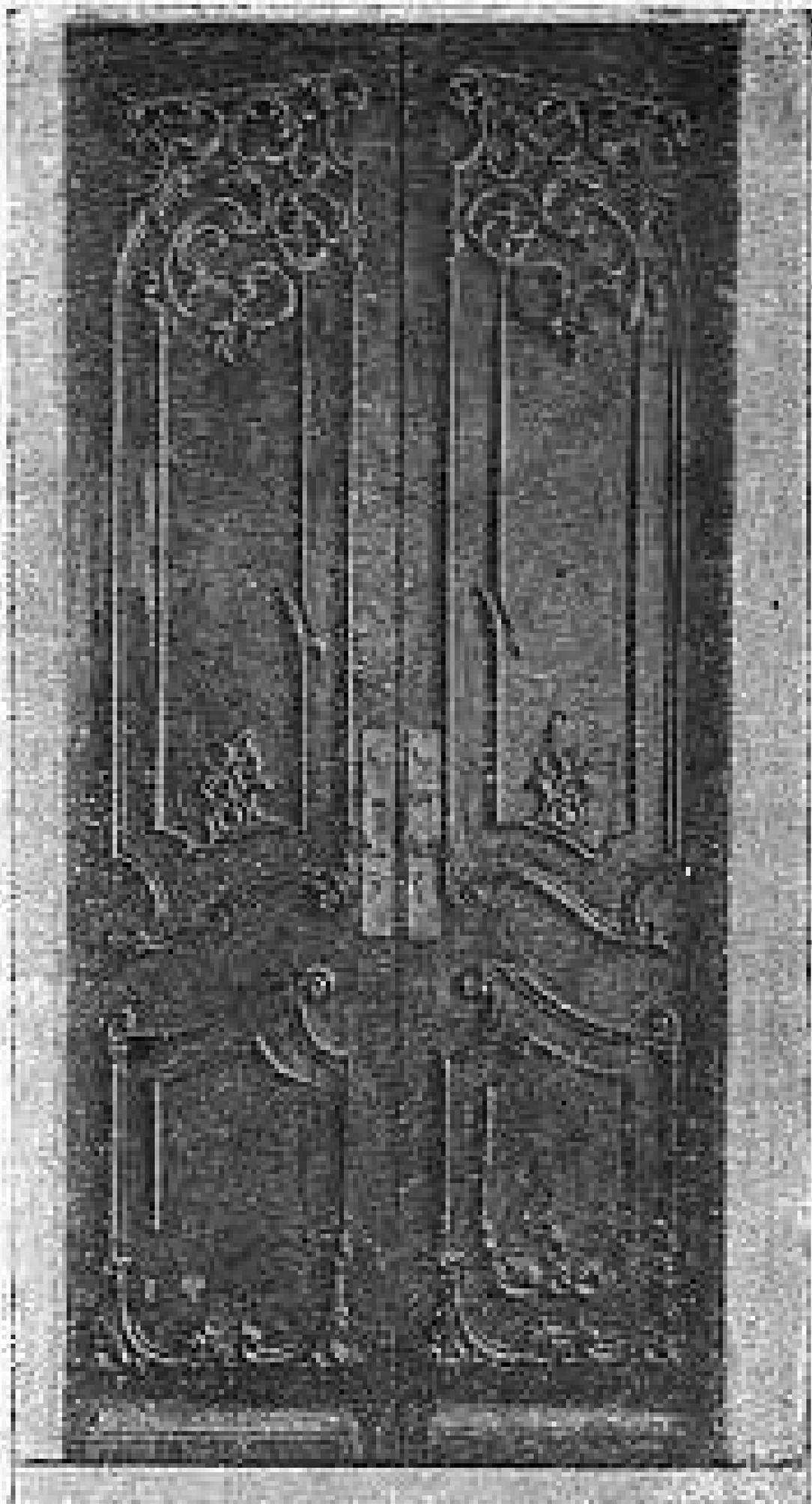
Вслед за „благородным“ дворянством в отделке своих домов тянулось „именитое купечество“. Прекрасной иллюстрацией купеческого дома может служить дом, отделанный для себя „в 1849 году „почетным гражданином и казанским 2-ой гильдии купцом“ С. Е. Александровым (владение № 26 по Московской ул.). Внутренняя распланировка дома близка к дворянской: те же по уличному фасаду высокие парадные комнаты для гостей, низкие и тесные во двор для

¹¹ Фасад дома переработан арх. Скуржинским.

¹² В настоящее время арочный проем заложен, но все же хорошо виден.

собственного жилья и придавленные антресоли для детей и домочадцев; разница заключается в некоторых деталях, вроде отсутствия хор в зале, а главное в отделке помещений. В убранстве комнат сказываются свои запросы, вкусы и взгляды, а потому напрасны будут поиски архитектурных приемов обработки. Зодчего заменил доморощенный живописец, в угоду хозяина обильно украсивший потолки, сообразно назначению, росписью ремесленного характера. В одной комнате потолок расписан аляповатыми гирляндами, в другой—весь плафон занимает мифологическая сцена, а в третьей—зале, кроме изображений мифологических сюжетов, плафон обильно снабжен неуклюжей, с обилием золота, орнаментикой. Роспись своим видом, без архитектурной подготовки плоскостей, придает комнатам грузное и неуютное выражение, все кричит о кичливости своим состоянием, о тупом самодовольстве и грубом вкусе, которого не убедишь стройностью пропорций и изяществом архитектурных форм, а, напротив, требуется нечто из ряда вон выходящее и тяжело бьющее в глаза.

Приведенными образцами внутреннего убранства старых казанских зданий почти

Обработка двери д. № 34 на Булаке.

исчерпывается все более или менее сохранившееся до наших дней, в полных ансамблях. Отдельные архитектурные детали, иногда очень интересные, рассеяны по многим домам. Так, следует отметить: прелестные двери в доме № 34 на Булаке и в Управлении завода имени Ленина в Ягодной слободе, нарядные печи во многих домах Татарской слободы, уютные лестницы, как, наприм., в доме № 68 по Б. Красной ул. и в других домах. Не только описание, а одно простое перечисление их заняло бы слишком много места и расширило бы настоящий краткий очерк до больших размеров.

Картина описания внутреннего архитектурного содержания казанских зданий еще не вся, и для полноты ее сам собой ставится вопрос: а в каких жилищах прежде обитали казанские рабочие? Ответ простой по внешности, но драматичный по внутреннему смыслу. Рабочие обычно ютились в жалких и грязных лачугах по окраинам города, а часть их, главным образом работающие в производстве временно, даже ночевала в фабричных помещениях, что, по уверению фабрикантов, было только полезно для рабочих, так как „наблюдение за чистотою

воздуха в мастерских комнатах, где каждый рабочий отделен от другого станом, столом или другим каким-либо снарядом, гораздо легче, чем в особых казармах, где воздух от массы людей неминуемо должен портиться¹³.

В таком случае двойной интерес заставляет остановиться на рассмотрении корпусов старейшей в Казани, бывшей крупной суконной фабрики с числом работающих до 1000 человек. Интерес усиливается еще тем обстоятельством, что на этой фабрике долгое время, начиная с XVIII века, происходила упорная борьба рабочих с хозяином, борьба, сопровождавшаяся массовыми выступлениями рабочих, ссылкой зачинщиков и непокорных в Сибирь и отдачей их в солдаты, карательными экзекуциями, при которых рабочие засекались на смерть¹⁴.

Казанская суконная фабрика (№ 126 по Георгиевской ул.) была основана в 1714 году, потом в 1724 году была передана во владение купца Михляева, от которого перешла к его родственникам, сначала Дрябловым,

¹³ М. Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, 1926 г., стр. 141.

¹⁴ М. Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем 1926 г., стр. 121.

а потом Осокиным¹⁵. Каменные фабричные корпуса построены в 1753 году, как это явствует из вделанной в стену памятной каменной доски того времени. Корпуса частично сохранились, хотя переделки в виде увеличения оконных проемов и устройства печей изменили внутренность в лучшую сторону.

Внутри здания видим мрачные массивные своды, начинающиеся почти от пола, лес идущих во всех направлениях железных связей, солидную толщину стен и если к этому прибавить прежние окна меньшего размера и повидимому недостаточность отопления, потому что в 1818 году рабочие фабрики в своей жалобе пишут, что „в зимнее время и в жестокие морозы, по неимению у многих теплого одеяния, не только нельзя производить работу, но и рук обогреть негде“¹⁶, и это, надо помнить, при 14-часовом рабочем дне и бесчеловечном отношении,— то, приняв все это во внимание, становится больно и обидно за тех, которые проводили

¹⁵ М. Рыбушкин. Краткая история города Казани, 1848 г., стр. 112.

¹⁶ М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, 1926 г., стр. 122.

всю жизнь в такой обстановке, и гнетущее впечатление сглаживается только бодрой мыслью, что все это прошло и больше не возвратится.

